

ГЛАВА III. ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИКИ БАЛАНСОВ И НОВЫЙ ПЛАН КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (конец 1934 – начало 1935 г.)

§ 1. Предпосылки возрождения политики балансов.

Прилив надежд на европейское урегулирование, который испытали в Лондоне в середине лета 1934 г., осенью сменился трудными раздумьями над путями обновления внешнеполитического курса Англии. Главной причиной, обусловившей его пересмотр, явился провал планов быстрого заключения Восточного пакта взаимной помощи с участием Франции, СССР, Германии и других государств. Соответственно оказалась заблокирована перспектива мирной ревизии Версаля посредством осуществления равноправия Германии в вооружениях в рамках системы европейской безопасности.

10 сентября Р. Ванситарту, А.Леже и Н.Н.Крестинскому был вручен германский меморандум, категорически отвергавший замысел Восточного Локарно. Взамен Берлин изъявлял готовность рассмотреть другие альтернативы, в частности, многосторонний пакт о ненападении и консультациях государств Восточной Европы /12,3–395-402/. Тремя днями ранее в беседе с министром иностранных дел Франции Ю.Бек сообщил об отрицательном отношении своего правительства к ее проекту. В официальном тексте, дожидаться которого Варшава заставила до конца сентября, нежелание Польши стать участником договора мотивировалось прежде всего позицией Германии и неприемлемостью нажима на нее. Записка Бека была составлена в столь обтекаемых выражениях, что у руководителей французской и советской дипломатии сохранялась неясность, представляет ли польский ответ замечания к схеме пакта или является принципиальным отказом от него /5,17–618/.

Вступление СССР в Лигу наций в середине сентября 1934 г. на выгодных и почетных для него условиях (1) знаменовало практический успех советско-французского сближения и новой ориентации Москвы. Одновременно, однако, Советский Союз и Франция столкнулись с исключительно ответственным для их судеб выбором: затормозить переговоры о взаимных гарантиях (именно такой вариант под сказывали меморандумы Берлина (2) и в еще большей степени Варшавы) или же пойти на риск, заключения пакта без Германии с Польши. Кремлевское руководство сочло второй путь непригодным. 24 сентября М. Литвинов, находившийся в Женеве, получил указание "не торопиться с инициативой пакта без Германии и Польши", "ограничиться зондажем намерений французов и других" /5,17–821/. К удовлетворению Москвы сходное решение было принято и французской стороной /5,17608/. В краткой беседе с английским послом Барту выразил мнение, что ни польские, ни немецкий ответы не закрывают дверь к переговорам, но МИД Франции предпочитает выждать и "дать вопросу остыть, прежде чем он снова будет поставлен" /11,12–142/. Очень скоро позиции Парижа и Москвы разошлись. В беседе с советским представителем генеральный секретарь МИД А.Леже (оказавшийся в первые недели после убийства Барту наиболее ответственным представителем Кэ д'Орсэ) высказался за ревизию плана Восточного Локарно при сохранении широкого круга участников соглашения. Если Польша будет оказывать сопротивление и после уступки ей в литовском вопросе, "нужно пойти на формулу регионального пакта о ненападении с обязательствами консультаций в случае осложнений", предлагал Леже, дополнив его двусторонними пактами взаимопомощи между СССР, Францией и ЧСР /5,17–825/. 30 октября предложение модифицировать Восточный пакт было повторено М.И.Розенбергу новым министром иностранных дел Франции /5,17–655-656/.

Иной подход к пакту возобладал в руководстве СССР. 2 ноября, говорится в официальном, советском издании, "Политбюро ЦК ВКП(б) отметило "возможность его заключения

и без участия Германии и Польши" В случае согласия "Франции и Чехословакии или одной Франции" /148–296/. Практические расхождения "французской и советской дипломатии были в этом вопросе не столь велики, так как к та, и другая сторона не приняли окончательного решения и не желали окончательного разрыва с Германией (3).

Затянувшаяся пауза в переговорах о Восточном Локарно беспокоила Форин Офис (4).

В середине ноября 1934 г. руководители советской внешней политики решили форсировать переговоры о Восточном Локарно, чтобы внести ясность в вопрос об отношении к нему всех заинтересованных правительств. В состоявшейся в Женеве 21 ноября беседе Лавалля и Литвинова нарком добился предварительного согласия партнера на подписание документа о взаимной лояльности к представлению политической информации при переговорах СССР и Франции с правительствами, приглашенным участвовать в Восточном Локарно /5,17–683-686; 11,12–234/. Поддержанная французским правительством /11,12–282/ попытка Москвы ускорить ход переговоров по Восточному пакту встретила положительный прием в Лондоне.

3 декабря глава Форин Офис указал послу Рачинскому на заинтересованность Англии в положительном ответе Польши на новый французский меморандум, устранявший некоторые препятствия к участию ее в Восточном пакте /5,17–724; 314–102-103; 378–148/. Правительство Англии, подчеркнул Саймон, убеждено, что Польша "должна отыскать способ присоединиться к Восточному пакту, и любое воздействие, какое она может оказать на Германию, чтобы склонить ее сделать то же самое, будет расценено как реальный вклад в европейское умиротворение" /11,12–304/ (5).

— 109 —

Однако от официального демарша в Варшаве и Берлине Великобритания уклонилась. Причин тому было несколько (6). Главное же состояло в том, что к концу 1934 г. Лондон разуверился в реальной возможности превратить Восточный пакт в средство достижения общеевропейского урегулирования, как то представлялось несколькими месяцами ранее.

"Из беседы с Саймоном, – записывал полпред 4 декабря, – было совершенно ясно, что англичане готовы поддержать Восточный пакт лишь постольку, поскольку его хотят французы..." /5,17 – 724/. Другим мотивом неизменности официальной линии Лондона являлась обеспокоенность возможностью заключения двустороннего пакта взаимной помощи Францией и СССР, которая лишь усилилась вследствие подписания ими женеvского протокола 5 декабря (7).

В конце 1934 г. британское руководство перестает рассматривать Восточноевропейский пакт взаимопомощи в качестве составной части собственной стратегии, поддержка его Англией¹ приобретает по преимуществу тактический характер. Великобритания согласилась с инициативой Восточного пакта ради прогресса в отношении отмены части V Версальского договора, напоминал в особом меморандуме влиятельный сотрудник Форин Офис О.Сарджент в январе 1935 г., однако теперь слонялось обратное положение: выдвижение пакта дает Германии возможность маневрировать таким образом, что вина за срыв переговоров о вооружениях ложится на Англию и Францию /11, 12 – 438/.

— 110 —

Осенью 1934 г. масштабы ремилитаризации рейха достигли опасных размеров, которые германское правительство все менее могло и желало скрывать (8). Хотя высшее руководство Великобритании продолжало недооценивать масштабы германских (в частности, воздушных) вооружений /372–256/, поступившая в октябре 1934 г. разведывательная информация о планах их развертывания вызвала потрясение в правительственных ведомствах /290–135; 180–786-787/. С начала октября в Форин Офис (главе которого, кстати, формально была подчинена "интеллидженс сервис") возобновилась активная проработка политического аспекта проблемы вооружений. "Сроки давят на нас, ибо мы обязаны не утратить контроль над

¹ 28 ноября лорд-президент совета подтвердил, что правительство "весьма желает" участия Германии в Восточном пакте /1,295–874/.

ситуацией, которой сами помогли сложиться", писал тогда А. Иден /11,12 – 259/. 21 ноября на заседании кабинета было решено создать особый секретный Комитет по проблемам перевооружения Германии во главе с Дж. Р. Макдональдом для изучения информации и подготовки рекомендаций правительству. Первая же из них, спешно проведенная через Комитет 22 ноября, гласила: "В настоящее время перевооружение Германии становится столь угрожающим, что, по нашему мнению, не может далее официально игнорироваться" /205–305–316/². 26 ноября британское правительство постановило принять намеченную в докладе Комитета общую линию и согласилось с предложением Саймона начать переговоры с Германией о заключении "всеобъемлющего соглашения" при условии, что она пойдет на некоторые уступки /11,12 – 253–254; 333–86/ (10).

Ни кабинет, ни внешнеполитическое ведомство Великобритании не могли, однако, решить ключевую проблему о характере предполагаемых уступок (11).

— 111 —

В итоге возвратившийся с решением правительства в Берлин и немедленно (утром 27 ноября) принятый Нейратом британский посол вынужден был ограничиться официальным протестом против незаконного перевооружения Германии³. Еще более отодвигает мирное согласованное решение европейских проблем милитаристская обработка населения рейха, заявил Э. Фиппс. Немецкий министр с легкостью согласился, что личный состав рейхсвера приблизился к 300 тысячам человек, но игнорировал немой призыв Англии назвать свою цену за узаконение западными державами военных нарушений. Нейрат лишь выразил надежду, что беседы на этот счет можно было бы возобновить в будущем году и что французские руководители не станут уклоняться от прямых переговоров с Германией /11,12–254–256/. Повторение демарша на приеме у канцлера вечером того же дня имело, по словам Фиппса, результат "совершенно иной и поистине катастрофический": Гитлер разразился возмущенными криками и обвинил Англию в том, что она безрассудно отказывается от двусторонних соглашений с рейхом. Взволнованный посол уловил в словесной буре и нечто новое: Германия намерена создать военный флот, равный 35% ВМС Британской империи /11,12–257–258; 290–268/.

Вечером 28 ноября, после краткого рассмотрения кабинетом итогов предпринятого демарша, С.Болдуин и Д.Саймон выступили в палате общин с заявлениями, выражающими озабоченность нарушениями Германией своих договорных обязательств в области вооружений и содержащими призыв к международным усилиям, возобновлению переговоров по замене статей Версаля европейской концепцией об ограничении вооруженных сил. Выступления британских министров не содержали

— 112 —

ответа на вопрос, чем именно должен поступиться рейх ради признания ремилитаризации международным сообществом и каковы допустимые с точки зрения Англии пределы германской мощи, и открывали широкий простор для толкования (13).

Предпринятая британский, правительством осторожная попытка изменить принцип сочленения вопросов безопасности и вооружений в пользу одновременности их разрешения, акцентировать безотлагательность последних вызвала немедленное противодействие Франции. В речи, произнесенной П.Лавалем в Бурбонском дворце 30 ноября, наряду с призывом к Германии принять приглашение к вступлению в Восточный пакт взаимной помощи, подчеркивалось, что французская позиция остается неизменной – лишь создание, прочной системы безопасности в виде свободно заключенных коллективных пактов восстановит доверие между народами, которое всегда являлось необходимой предпосылкой международного соглашения об ограничении вооружений /11,12 –286/. Париж решил ускорить ход переговоров о гарантийном соглашении в Восточной Европе (14), а глава французского правительства (с

² См. также: /179–769/.

³ Одновременно аналогичное заявление было сделано Саймоном через немецкого посла в Лондоне /11,12–259–261/.

начала ноября им стал П. Э. Фланден) отклонил 1 декабря приглашение посетить с частным визитом английскую столицу /11,12–321/.

Предварительные итоги полугодового обсуждения Восточного пакта, нежелание Германии и Франции поддержать конструктивные элементы британского протеста 27-28 ноября 1934 г. сделали для Лондона неизбежной тщательную подготовку новых предложений пацификации Европы.

К поиску нового политического плана Лондон подталкивала происходившая в конце 1934 г. нормализация двусторонних англо-германских отношений. 27 октября, после совещания с Шахтом и Бюловым, канцлер принял решение принять изложенные экономическим советником британского правительства Ф. Лейт-Россом компромиссные

— 113 —

предложения об урегулировании конфликта, вызванного введением германского моратория на зарубежные платежи в начале лета 1934 г. Чрезвычайная поспешность, с которой в Берлине ухватились за предложенный англичанами выход из тупика, позволила уже 1 ноября подписать англо-германское платёжное соглашение на 14-месячный срок /12,3–541-542; 11,12–179/ (15). Принимая Л. фон Хеша после своего возвращения из длительного отпуска, Дж. Р. Макдональд отметил, что улучшение атмосферы двусторонних отношений по сравнению с летом 1934 г. "в немалой степени" связано с успешным окончанием финансовых переговоров /12,3–556/.

К концу осени 1934 г. произошел сдвиг и в отношении буржуазной общественности Англии к внутригерманской ситуации. С одной стороны, в последние месяцы 1934 г. гитлеровская верхушка избегала репрессивных действий, могущих повредить ее международной репутации. Так, во второй половине октября, после того, как до сведения Гитлера были доведены протесты архиепископа Кентерберийского против усилившихся гонений на протестантских иерархов, нацисты приостановили религиозную унификацию. В итоге англиканская церковь сочла целесообразным воздержаться от международного осуждения политики Берлина в этом вопросе /12,3–487-489,546-547,630/. Есть основания полагать, что и британская элита воспринимала события 30 июня по возвращении с курортов и из загородных имений иначе, чем в летние дни 1934 г. Поначалу взбудоражившая общественное мнение "ночь длинных ножей" легитимизировала нацистский режим в глазах традиционных консерваторов, пресекла толки о "социализации" и "второй революции" /15,1934,1–198; 269–311/ (16). Сосредоточение после смерти Гинденбурга полномочий главы государства и правительства в одних руках, утвержденное к тому же всенародным голосованием 19 августа,

— 114 —

также способствовало складыванию в Германии новой ситуации – правление НСДАП обрело черты стабильности, не считаться с которыми было невозможно. Еще выше авторитет гитлеровского рейха как воплощения национального духа немецкого народа поднялся благодаря плебисцит в Сааре (17). В ходе голосования, проведенного согласно ст. 35 Версальского договора, после 15-летнего управления территорией Саара в интересах Франции, должен был решиться вопрос о передаче его Германии, Франции или сохранении существующего статуса. Итоги плебисцита, состоявшегося 10 января, превзошли ожидания Берлина /11,12–384/; процент голосовавших за присоединение к рейху – 90,2 – был выше, чем в самой Германии при проведении августовского референдума о сосредоточении государственных функций /206–215/ (18).

Некоторый вклад в создание условий для столь выгодного Гитлеру исхода саарского плебисцита внесла британская дипломатия. Как известно⁴, в конце 1933 г. французское правительство отказалось от "полюбовной сделки" с рейхом – возвращения Саара без плебисцита при продлении экономического режима территории, а на рубеже лета–осени 1934 г. Л.Барту в категорической форме поставил перед Советом Лиги вопрос о пересмотре преду-

⁴ Наиболее подробно дипломатическая борьба по проблеме проведения плебисцита в Сааре рассмотрена в книге И.Ф. Максимычева /224–102-108/.

смотренных в Версале условий проведения голосования жителей. Министр иностранных дел Франции настаивал на принятии варианта, при котором население района получало возможность высказаться за временное сохранение существующего режима и осуществить право на самоопределение в последующем⁵.

— 115 —

Это намерение Франции подтверждалось и в направленном Совету Лавалем меморандуме от 2 ноября 1934 г. В случае его принятия саарцы получали бы возможность заявить о своих национальных стремлениях, не оказывая в то же время поддержки наци. Такое решение Совета, писал один из руководителей аппарата Лиги Уолтерс в Форин Офис, имело бы "огромное значение для голосующих, по крайней мере, для некоторой их части" /11,12–193/. Около двух недель в Лондоне выждали и обдумывали выбор между французской позицией и мнением германского руководства, отрицавшего за Советом Лиги право интерпретировать на свой лад недвусмысленное указание Приложения о Сааре к статье 35 мирного договора⁶. Позиция Парижа тем временем в корне изменилась. В Форин Офис осталось неизвестным, что уже 7 ноября Лаваль заявил германскому послу о своем желании возвратить спорную территорию Германии /224–105; 194–194/, но 14 ноября во время охоты в Рамбуйе, разговаривая с британским поверенным в делах, А.Леже все же сообщил, что целью французского правительства является "быстрое урегулирование" саарского вопроса /11,12–215/. Решение нового французского кабинета упрощало дело, но решающим для Лондона, вероятно, было собственное нежелание усугублять сложности отношений с Германией и вольным обращением с Версальским трактатом подрывать морально правовую основу своих претензий к Берлину (19). Лига наций окажется "в неприятном положении" даже в том случае, считал Саймон, если за окончательное сохранение статус-кво выскажется сколько-нибудь значительное число голосующих, ибо она

— 116 —

окажется перед выбором: передать диссидентское меньшинство нацистам или создать для него малую территориальную единицу. Вытекающие, из обоих вариантов невыгоды, по мнению министра (и судя по всему его коллег), сильно перевешивали "любые возможные преимущества отпора, г-ну Гитлеру" /11,12–225/. В британских правящих кругах созрела решимость сбросить со своих плеч саарскую проблему, не останавливаясь перед принесением в жертву интересов части населения области. Утром 15 ноября состоялось заседание кабинета, по завершении которого британским послом в Париже в Риме было направлено для передачи правительствам изложение английской позиции: "в конечном счете, в интересах Европы и в особенности Франции, чтобы проблема Саара была решена как можно скорее путем полного и окончательного возвращения его Германии и чтобы, следовательно, любая попытка осуществить голосование в пользу сохранения существующего режима была осуждена, поскольку она лишь сохранила бы в центре Европы гноящуюся рану" /11,12–211/ (20).

Решение Совета было предопределено, и в начале декабря Франция пошла на заключение прямого соглашения с рейхом об урегулировании имущественных интересов в случае присоединения к нему Саара, отказалась от намерения усилить саарскую полицию для недопущения эксцессов своими воинскими подразделениями. Гитлер к радости французских и британских лидеров дал согласие на ввод на спорную территорию английских контингентов /12,3–713/ (21). 6 декабря при видимом единодушии Совет Лиге одобрил рекомендации относительно организации плебисцита (22).

К концу 1934 г. западные политические деятели оказались настолько приученными к силовой манере германской внешней политики, что скромные проявления ее уступчивости в

⁵ Несколько позднее такую же позицию заняла советская дипломатия.

⁶ В начале ноября юридический отдел Форин Офис дал заключение о том, что мирный договор предусматривает установление постоянного режима после плебисцита, который, таким образом, должен носить окончательный характер /11,12–193/.

саарском вопросе пробудили у них надежду на скорую нормализацию общеполитической ситуации.

— 117 —

Беседуя по телефону 5 декабря, А. Иден и П.Лаваль пришли к согласию, что "в настоящий момент в Германии явно преобладает готовность к послушанию и, следовательно, это удобное время для сильного давления на Германию в деле разоружения". Запись телефонного разговора, подслушанного гестапо, была представлена германскому министру иностранных дел. Нейрат оставил на ее полях замечание: "Эти джентльмены обнаружат, что ошибались" /12,3–713/. Новые явления в германской дипломатии, наметившиеся уже в начале декабря 1934 г. (23), после саарского триумфа были окончательно определены (24). В середине января Вильгельмштрассе оповестило своих представителей в Европе к США, что "заявления об ограничении вооружении, которые мы делали Идену в начале 1934 г., отныне ни к чему не обязывают". "Мы по-прежнему готовы принять участие в конвенции об ограничении вооружений или разоружении, говорилось в директиве Нейрата, но только на основе полного равноправия" /12,3–840/. "Мы должны исходить из того, – писал несколькими днями позже статс-секретарь МИД Бюлов, – что сейчас мы уже достигли положения равенства в правах раз и навсегда и не позволим оспаривать его" /12,3–852/. Как показали последующие события, гитлеровская верхушка ожидала лишь намеченной на 1 марта 1935 г. передачи саарской территории рейху для одностороннего денонсирования военных статей Версальского договора (25).

Руководители английской дипломатии слишком поздно начали осознавать происшедшую в положении и политике рейха перемену. Обосновывая необходимость безотлагательных действий Англии, помощник Ванситтарта О.Сарджент 17 января указывал на то, что "будущая политика Германии начнет обретать окончательную форму и кристаллизоваться в течение полумесяца между саарским плебисцитом" и началом февраля /11,12–388/. Ознакомившись с меморандумом

— 118 —

Сарджента, ни Ванситтарт, ни Саймон не подвергли сомнению эти соображения /11,12–388/ (26). Между тем, как следует из процитированного выше циркуляра МВД Германии (также датированного 17 января), основополагающие решения в Берлине уже были приняты, "кристаллизация" политики рейха совершилась. Таким – парадоксальным – образом собственная уступчивость в отношении германских требований при подготовке плебисцита рождала в Лондоне надежды на успех новой всеобъемлющей инициативы; итоги плебисцита, их международные последствия заставляли англичан спешить с ее подготовкой, хотя по существу во многом предопределили тщетность таких усилий.

Наиболее полно исследовавший документы правительственных ведомств, относящиеся к поздней осени – началу зимы 1934 г., Н. Росту пришел к заключению, что в тот период была намечена новая тактика, но не стратегия Великобритании /350–32/. С этим выводом можно в целом согласиться. Следует, однако, отметить, что общая направленность обсуждения английскими руководителями корректив своей политики выявила преобладание тенденции возвращения к традиционному курсу, сочетающему принципы баланса сил и баланса интересов (27). Неудача плана Восточного Локарно летом осенью 1934 г. все сильнее компрометировала предпринятую Лондоном попытку наметить трансформацию своей политики в русле последовательной борьбы за коллективную безопасность, явилась главной причиной усиления отмеченной тенденции.

Предпринятые Англией шаги по подготовке новой крупной инициативы общеевропейского урегулирования (заявления 27-28 ноября, примирительная позиция по саарскому вопросу) обнаружили этот сдвиг перед британскими партнерами, включая Германию, что оказало в конечном счете негативное воздействие на международную обстановку. Июльские решения формально сохраняли силу, однако сомнения в том, что Англия будет их придерживаться

— 119 —

и впредь нарастали как в самом Лондоне, так и в столицах других европейских держав. Вместе с тем британское руководство не пошло на разрыв договоренностей с Францией (и косвенно с СССР и Италией), приступив вместо этого к подготовке новой коллективной платформы урегулирования германской проблемы как ключевой для стабилизации Европы.

§ 2. Англия и план европейского урегулирования

Первоначально идея проведения англо-французских переговоров на высшем уровне для рассмотрения общеполитической ситуации и координации собственной внешней политики была выдвинута кабинетом Фландена вскоре после его оформления. Британское руководство, вероятно, желая выждать германскую реакцию на предпринятый почти одновременно с получением письма Фландена демарш, отказалось от официальных переговоров и предложило председателю совета министров посетить Лондон в частном порядке, что в свою очередь не устраивало Фландена /11,12–321-322/. Вскоре англичане изменили свое мнение, и 13 декабря Саймон поручил послу в Париже передать приглашение главе правительства (28) прибыть для официальных переговоров в любое удобное для него время, пусть даже в середине декабря /Там же/. Телеграмма Форин Офис поступила в посольство как раз в то время, когда Кларк взялся за подготовку депеши об утренней беседе с Лавалем, в ходе которой тот высказался за отсрочку визита французских министров в Лондон, сославшись на настроения общественности /11,12–323/. Намерение Лавала подкрепить свою позицию на переговорах с Англией соглашением с Италией и договоренностью с членами Малой Актанты сорвало замысел Лондона овладеть положением посредством быстрого выдвижения совместной англо-французской инициативы. Париж рассчитывал, как сообщал НКВД

— 120 —

временный поверенный в делах СССР во Франции М.И.Розенберг, со слов Леже, "после прояснения политической атмосферы... взять инициативу собственной постановки вопроса о вооружениях, выпячивая контроль и тому подобное, а не плестись в хвосте английского предложения" /11,12–323/. Проявленная попеременно обеими сторонами торопливость уступила место тщательной подготовке к переговорам на высшем уровне⁷. 22 декабря посетивший Париж Д.Саймон получил согласие французского кабинета на их проведение в Лондоне в более позднее время, о чем вскоре сообщила печать /11,12–553; 330–54-55/.

Основы британской позиции на переговорах были утверждены правительством на заседании 19 декабря. Тремя неделями ранее Саймон разослал членам кабинета "пробную" записку об отношении Англии к перевооружению рейха, с главным тезисом которой – следует официально признать, что часть Версальского договора утратила свою силу, и восстановление военной мощи Германии стало свершившимся фактом, причем признать "без промедления, в надежде, что мы еще сможем получить в обмен на легализацию некоторые ценные уступки со стороны Германии", – те согласились /11,12–265/. Считая Восточное Локарно безнадёжным вариантом, министр предлагал обусловить уступку Германии ее возвращением на конференцию по разоружению и в Лигу Наций. Согласившись с этими условиями, кабинет, однако, постановил, что Великобритания должна предпринять новую попытку убедить Германию согласиться на участие в Восточном пакте /315–122/.

– 121 –

Намеченная кабинетом платформа переговоров носила в целом реалистический характер и логично развивала курс, проложенный декларацией пяти держав по германскому вопросу от 11 декабря 1932 г. – и англо-французским коммюнике июля 1934 г. Одновременно, однако, становилось заметнее расхождение между официальной британской позицией

⁷ Подготовительная стадия лондонских переговоров весьма подробно изучена Н.Ростоу /350–83-107/.

(даже с учетом намечавшихся в ней изменений) и духом пораженчества, ощутимым в мотивировках правительственных решений к дипломатическим контактам с немцами. Неудивительно, что нацисты (и даже умеренный консерватор Л.фон Хеш) не принимали в расчет возможность присоединения к Восточному пакту взаимопомощи и подготовки собственной альтернативной схемы.

Уклончивость Лавалья (31) наряду с ожиданием результатов его поездки в Рим, саарским вопросом и рождественскими каникулами, привела к приостановке дипломатической подготовки англо-французской встречи примерно на месяц. Тем временем британское правительство дважды (3 и 14 января) обсуждало повестку предстоящих переговоров, адаптируя свою линию к римским соглашениям 7 января 1935 г. Кабинет согласился поддержать идею Дунайского пакта о ненападении и консультациях с участием Германии, Франции, Италии (32), тем более, что в соглашении Лаваль–Муссолини она была увязана с любимой темой англичан – возвращением рейха в женевские организации /299–16/. В связи с тем, что в итало-французских документах не упоминался план Восточного пакта, на Даунинг-стрит было решено, не отказываясь от его поддержки, избегать фиксирования в совместном коммюнике тезиса, что пакт "является существенной частью переговоров с Германией" /11,12–413/. Английские представители на переговорах должны были подтвердить в случае необходимости верность своей страны Локарно, но уклоняться от малейшего расширения

– 122 –

обязательств 1925 г. /11,12–414; 249–91/, Правильно оценив сдвиги в политике Франции, руководство Великобритании преждевременно сбросило со счетов влияние на нее стран Малой Антанты, СССР, общественного мнения страны, В результате действия этих факторов, в то время как английские 'правительственные учреждения прорабатывали детали нового плана, политика Парижа выглядела несколько таинственной или, во всяком случае, сильно колеблющейся (33).

Обсудив создавшееся положение, 24 января Макдональд, Болдуин и Саймон внесли небольшие поправки в намеченную кабинетом программу, и решила информировать о ее поддержке партнеров /11,12–407/, хотя ранее считали невыгодным преждевременно раскрывать свои карты /11,12–389/. "Мы опасаемся, что будет трудным обеспечить... какой-либо конкретный результат этой встречи, – писал Саймон послу в Париже. – Неспособность дать конкретный результат почти несомненно усилит бескомпромиссный и опасный дух, который: по всей видимости укореняется в Германии со времени, саарского плебисцита и повсюду вызовет значительное разочарование" /11,12–416/. Послу поручалось добиться согласия Франции на следующую формулу переговоров с немцами: военные 'постановления Версаля "будут отменены в рамках общего соглашения, содержащего такие положения в отношении вооружений и поддержания безопасности, какие могут быть согласованы путем свободных переговоров между Германией и другими сторонами Версальского договора" и включающего возвращение Германии в Лигу. Англия готова объявить о поддержке Римской декларации об итало-французских отношениях, заинтересованности в сохранении австрийского суверенитета, оказывать всяческое содействие прогрессу; переговоров о Дунайском и Восточном пактах. Однако, в связи с твердым нежеланием Берлина участвовать в Восточном Локарно, французам предлагалось ответить, есть ли у них альтернативное предложение

– 123 –

для Германии /11, 12–416-418/. 26 января Кларк ознакомил Фландена и Лавалья с британской позицией. Они реагировали вполне традиционно: отвергли принцип одновременного осуществления пактов безопасности и довооружения Германии и предложили свою формулу, построенную на примате первых над вторым /11,12–434-435/. "Мир без безопасности – это войны", – демагогично заявлял Лаваль при следующем свидании с Кларком /11,12–435/. Ссылаясь на мнения союзников и СССР, Пария не откликнулся на призыв пересмотреть схему Восточного пакта, но проект Фландена-Лавалья не содержал и прежней четкой формули-

ровки (в нем говорилось о "проектах, имеющих целью увеличение безопасности, особенно в Восточной Европе и центре континента" /11,12–435)⁸.

В оставшиеся до начала переговоров несколько дней британская дипломатия попыталась решить двойную задачу, прежде всего – побудить Париж отказаться от догматического подхода к легализации германских вооружений. Постоянный заместитель госсекретаря предложил (без согласования с лидерами кабинета) компромиссную трактовку взаимосвязи вопросов безопасности и вооружений, которую Лаваль 30 января согласился принять в качестве основы для обсуждения /11,12–451-452/. Хотя Ванситтарт и его сотрудники полагали, что сделанная французами фактическая уступка в вопросе с Восточным пакте является вполне удовлетворительной /11 12–436/, глава Форин Офис попытался расширить наметившееся в позиции правительства Фландена трещину. Кларку было поручено выяснить отношение Франции к идее заключения Германией и соседними с ней странами пактов ненападения. Франция взяла бы на себя роль гаранта тех из них, в соблюдении которых она жизненно заинтересована, прежде

– 124 –

всего советско-германский пакт; Россия же гарантировала бы Локарнские обязательства Франции к Германии /11,12–452-453/. Великобритания, таким образом, окончательно вступила на путь пересмотра июльского решения о поддержке Восточного пакта взаимопомощи. При встрече с британским послом вечером 30 января Лаваль и Леже не стали подвергать критике предложения Саймона /11,12–455-456; 360–101/. Это обнадеживало, но само по себе являлось недостаточным. В Форин Офис понимали, что готовность Англии поддержать новый вариант Восточного Локарно (как и ее согласие со старым вариантом) не сможет побудить французских министров к широким уступкам по проблеме вооружения⁹. Саймон был вынужден /360–47/ согласиться с Ванситтартом, что не сумев обеспечить реализацию Восточного Локарно, Великобритания должна помочь безопасности Франции за свой собственный счет. Эта идея вылилась в разработку Форин Офис проекта заключения воздушного пакта Англией, Францией, Италией и Германией (34). Таким образом, руководители британской дипломатии могли считать выход из тупика последних месяцев в принципе найденным.

Материалы внешнеполитического ведомства позволяют, однако, заметить серьезную неудовлетворенность руководителей Форин Офис, сомнения относительно шансов на воплощение обрисовавшегося пакета совместных предложений Германии.

"Мы полагаем, что нашей общей задачей должно быть конструирование такой англо-французской схемы всеобщего урегулирования, чтобы когда она, будучи представлена Германии (если она будет представлена), представлялась общественному мнению разумно обоснованным предложением, которое было бы неразумным для Германии

– 125 –

отвергнуть", – писал в конце января Ванситтарт/11,12–438/. Нас вполне устроил бы Восточный пакт, говорилось в другом, подписанном Саймоном документе Форин Офис, "но если Германия отклонит его, представляется трудным доказать, что в отношении обеспечения безопасности от ее возможной агрессии Германия не внесла полного вклада" /11,12–452/. Легко заметить, что основной упор в этих рассуждениях сделан не на организацию наступательной акции в интересах безопасности Европы, а на необходимость сохранить репутацию честного посредника и "нейтрализовать недовольство общественности, правой части истеблишмента низкой эффективностью внешней политики правительства Макдональда-Болдуина (35).

Критика правительственной линии с позиции умиротворения Германии к началу 1935 г. не только усилилась, но и получила новое измерение, о чем свидетельствуют прежде всего миссии доброй воли Аллена и Лотиана (36). Бывший руководитель Независимой рабочей партии, один из немногих деятелей лейбористского движения, сохранивших в тридцатые го-

⁸ См. также: /350–98/.

⁹ См. также: /350–105; 288–135/.

ды дружеские отношения с Макдональдом и искренне веривший, что германо-британское примирение – залог всеобщего мира, лорд Аллен в середине января посетил с частным визитом Германию и был принят рейхсканцлером. Несколько днями позднее в качестве частного лица, заинтересованного в дополнительной информации, в Германию отправился влиятельный в аристократических и деловых кругах, особенно тесно связанный с Асторами, лорд Лотиан. Он получил возможность обменяться мнениями с Бломбергом, Гессом, Риббентропом, Гаусхофером-младшим /12,3–885-88/; 176–153-156/, а перед отъездом 29 января два с половиной часа беседовал с Гитлером. Профессиональные дипломаты обеих стран отрицательно отнеслись к поездкам Аллена и Лотиана (37). Они, однако, прекрасно укладывались в представления Гитлера об

– 126 –

исторической договоренности Берлина и Лондона, а заверения добровольных эмиссаров о понимании британским народом потребностей рейха, несомненно, укрепляли его доктринальные надежды в отношении английской политики. Для этого были- некоторые основания: Аллен, в частности, сообщил Гитлеру, что премьер-министр поручил ему "передать послание доброй воли" /12,3–874/ (38). Германское посольство в Лондоне было осведомлено, что перед поездкой и немедленно по ее завершении лорд Лотиан подолгу беседовал с Д.Саймоном /12,3–837, 889/. В канун англо-французских переговоров старый друг Болдуина, редактор "Таймс" Дж.Доусон, поместил в ней первую часть статьи Лотиана «Германия и Франция». В ней пропагандировалось включение рейха в европейское сообщество путем предоставления ему полного равноправия на условиях возвращения в Лигу наций и подписания пактов ненападения с соседями /91–31.01.1935 –15-16/. В тот же день министр иностранных дел Англии по собственной инициативе информировал фон Хеша, что его правительство "не считает проекты Восточного к Центральноевропейского пактов окончательными и неизменными", а консультациям с Германией придает не меньшее значение, чем переговорам с Францией /12,3–887-888/ (39).

Соединяя неприступность в отношении Восточного Локарно и Лиги наций с обещаниями обсудить другие проекты обеспечения мира и пожеланиями благополучия Британской империи, настаивая на тезисе "о легкости, с какой было бы для Германии добиться отдельного соглашения с ней" /11,12–405/, нацисты добились замешательства в правящих кругах Великобритании. Понимая возможность зигзага политического курса Англии в "постсаарской ситуации", руководитель НКВД решил воздействовать на нее не только косвенно (через Парик), но и непосредственно. В беседе с Иденом 19 января Литвинов убеждал его согласиться с французами, "что цена,

– 127 –

которую должна "уплатить Германия за легализацию ее вооружений, должна включать как подписание Германией Восточного пакта, так и "ее возвращение в Лигу наций"¹⁰. "Если эти условия будут соблюдены, – сообщил нарком, внося в англо-советские консультации новый мотив, – советское правительство было бы готово помочь, переговорам о конвенции по вооружениям". Он дал понять, что не исключено и ограничение роста РККА /11,12–397/ (40).

Проходившие с 1 по 3 февраля 1935 г. в Лондоне переговоры правительств Англии и Франции оставили у А.Идена ощущение легкости /37–124/¹¹. Иную картину рисуют на основе официальных и личных архивных документов Н.Ростоу и С.Роскилл (41). В ходе первого заседания стороны пришли к принципиальному согласию о принципе сочетания пактов безопасности и легализации вооружений: Франция впервые отказывалась от обусловливания права Германии на довооружение предварительным созданием режима безопасности /11,12–459-460/¹². Перейдя к Восточному пакту, Лаваль кратко напомнил об угрозе безопасности Западу, вытекающей из отсутствия соглашения о взаимопомощи, связывающего его с Вос-

¹⁰ Так в документе.

¹¹ См. также: /87–9.02.1935–2971/.

¹² Тем самым получила оформление договоренность 22 декабря 1934 г. См.: /288–135/.

точной Европой. Не мотивируя свое заявление, министр сообщил, что "французское правительство готово изучить возможные формы, которые может принять Восточный пакт", с британскими министрами. В своем ответном слове Д.Саймон указал, что Англия остается верна декларации лета 1934 г. о поддержке Восточного пакта (формулировки "Восточное Локарно" он избежал), "однако чувствует, что (соответствующую)

– 128 –

форму Восточного пакта предстоит выработать". Британский министр обещал "помочь" наметить новый вариант пакта, но Фланден и Лаваль не поддержали эту тему, и обсуждение проблемы Восточноевропейского пакта в рамках переговоров на этом завершилось (42).

Английские и французские министры коснулись проблем заключения Дунайского пакта, и других второстепенных вопросов. В ходе обсуждения Фланден упомянул о необходимости принятия коллективных мер для защиты от нападения с воздуха. Макдональд предложил собеседникам не вдаваться в детали /11,12–463/. Встретившись в перерыве с Леже, Ванситтарт убеждал французов поставить вопрос о воздушном пакте /288–136; 350–115/. В начале второго заседания Фланден и Лаваль последовали этому совету (слишком усердно, добавляет Росту). Без осуществления воздушного пакта, заявили французские руководители, они не смогут убедить общественность своей страны в необходимости узаконить ВВС рейха /11,12–469/, тогда как конвенция о взаимопомощи в случае нападения с воздуха между участниками Локарно, не увеличивая обязательств Англии как гаранта договора, принесет ей нечто новое и существенное – поддержку Франции в случае агрессии /11,12–472/. Вместе с проектом конвенции британским представителям был вручен текст предполагаемой декларации двух стран о намерении заключения ее Англией и Францией.

На утреннем заседании английского правительства 2 февраля (созванное специально для обсуждения французского предложения) было решено поддержать проект воздушной конвенции при соблюдении двух условий: ее заключение не приведет к расширению военно-политических обязательств Великобритании, идея воздушного пакта будет представлена международному сообществу так, что Германия сможет участвовать в дискуссия о форме пакта на равных основаниях.

– 129 –

После того, как Макдональд информировал французских партнеров о решении кабинета, они попытались оспорить последнее утверждение, предложив немедленно и определенно объявить о стремлении правительств Англии и Франции заключить воздушное соглашение о ненападении и взаимопомощи с другими государствами–участниками Локарнского договора, а в случае их нежелания – на двусторонней основе. Эта попытка не удалась, что лишало Париж большей части тех выгод, которые вытекали для него из идеи воздушного пакта. Обсуждение проекта воздушного пакта, занявшее большую часть времени переговоров, по существу завершило их в полночь 2 февраля. 3 февраля в отсутствие глав правительств обе делегации закончили согласование итогового коммюнике.

Уже в 7 часов вечера того же дня Фиппс и Франсуа-Понсе передали германскому канцлеру совместное предложение двух стран, чуть позже с речью по радио об итогах визита руководителей Франции в Лондоне выступили Д.Саймон и П.Лаваль. Англо-французское коммюнике открывалось близорукой ссылкой на успешное разрешение саарского вопроса и заявлением о стремлении обеих стран руководствоваться в своей европейской политике и впредь "теми же методами примирения и сотрудничества". Отмечалось, что британское правительство полностью поддерживает франко-итальянскую декларацию о сотрудничестве, подписанную 7 января 1935 г. в Риме. Коммюнике провозглашало намерение Англии и Франции осуществить план "всеобщего урегулирования" путем разработки европейской концепции об ограничении вооружений и "в особенности посредством заключения пактов, свободно обсужденных между всеми заинтересованными сторонами и обеспечивающими взаимную помощь в Восточной Европе и создание системы, предусмотренной в римском протоколе для Центральной Европы" /14–27/. Согласованная формула не содержала,

– 130 –

таким образом, упоминания о Восточном пакте взаимопомощи. Она открывала путь к ревизии первоначального проекта и вместе с тем указывала на ее пределы. Солидаризация с идеей пакта, обеспечивающего сохранение независимости и целостности Австрии, не вносила ничего существенного в политику Великобритании в этом вопросе (42), и до известной степени подчеркивала предпочтительность с ее точки зрения, многостороннего договора с обязательствами ненападения и консультаций перед оборонительными союзами предвоенного типа.

Принципиальная новизна положений коммюнике от 3 февраля состояла в увязывании проблем вооружений, Восточного и дунайского пактов, возвращения Германии в Лигу нации в единый пакет предложений, а также в инициативе заключения воздушного соглашения. Именно эти вопросы оказались в центре дипломатической борьбы.

Практическая невозможность ведения переговоров параллельно по четырем специфическим проблемам безопасности была чревата "расшнуровыванием лондонского пакета" уже в близком будущем. Кроме того, усиливалась опасность оттеснения на второй план соглашения о взаимопомощи в Восточной Европе преимущественно декларативным Центральноевропейским пактом. СССР, а также сознававшие масштабы германской угрозы политические круги Франции и стран Восточной Европы были встревожены как перспективой торможения переговоров по Восточному пакту вследствие увязки его с другими проектами, так и возможностью договоренности о предоставлении законного статуса перевооружения Германии до завершения подготовки этого пакта. Реализация и первого, и второго вариантов могла похоронить надежды на организацию коллективной безопасности в подлинном смысле слова. Понимая эту обеспокоенность, премьер-министр Франции уже 5 февраля в речи перед депутатами

– 131 –

Национального собрания продемонстрировал, что традиционный подход Франции не пертерпел коренных изменений и конвенция по вооружениям немыслима для нее вне осуществления "всей политики пактов взаимной помощи" /14–32-33/¹³. Через несколько дней после официальной реакции Берлина на лондонское коммюнике (19-20 февраля) в беседах с послами Франции и Советского Союза от имени своего правительства такое же заверение дал Д.Саймон. "Попытка германского правительства выдернуть только один пункт программы, а остальные смазать, не удастся", – заявил министр Майскому /5,18–121-122/. Представляется, что этой трактовки документа Англия придерживалась изначально, а недостаток категоричности в его тексте был вызван желанием втянуть германское руководство в серьезные переговоры, смягчить британских умиротворителей и сохранить некоторую свободу маневра в будущем.

Значительно сложнее обстояло дело с планом воздушного пакта. В англо-французском коммюнике отмечались желательность "взаимного регионального соглашения между определенными державами" и решение обеих сторон "пригласить Италию, Германию и Бельгию рассмотреть вместе с ними, не может ли такая конвенция стать предметом безотлагательных переговоров" /14–28/. Идея воздушного соглашения в соответствии с намерением британского кабинета была додана в "сыром виде", что поощряло противоречивое истолкование совместной формулы. Выступая перед микрофонами Би-Би-Си, министр иностранных дел Англии высказал мысль, что состав западного воздушного пакта, возможно, следовало бы ограничить четырьмя локальными государствами, а Италия, Германия и Франция

– 132 –

могли бы заключить отдельное соглашение /14–30/. Не вступая в прямую полемику с Сайгоном, в упомянутой выше речи Фланден утверждал, что соглашения о взаимной помощи в случае нападения с воздуха должны получить распространение в Восточной Европе /14–33-34/ (44). Неясен был и возможный механизм введения в действие обязательств по воздушному пакту. Коммюнике зафиксировало новый для политики Великобритании элемент – готов-

¹³ Сходное заявление передал Литвинову посол Альфан 5 февраля /5,18–69; 11,12–501/.

ность отказаться от неперемного обращения к Совету Лиги в случае нападения с воздуха, так как упоминало о необходимости немедленного оказания помощи жертве агрессии /14–27/. Признание необходимости качественного усовершенствования имеющихся гарантии безопасности, имплицитно содержащееся в плане воздушного пакта, было шагом вперед в европейской политике Англии. Англия открыто признала, что вынуждена считаться с угрозой нападения и не может далее обходиться национальными средствами; Лондон засвидетельствовал, что нуждается в защите континентальных государств и готов уточнить свои собственные обязательства /14–29,30; 12,3–825/ (45).

Вместе с тем посвященный воздушному соглашению параграф лондонской программы не содержал никаких ссылок на увязывание этого проекта с общим планом урегулирования, что никак нельзя объяснить забывчивостью его творцов. В сохранении такого "белого пятна" были заинтересованы как французская сторона, продолжавшая искать пути превращения проекта воздушной конвенции в франко-британский оборонительный союз, так и английские политики, предусмотрительно не делавшие связывать себя в столь важном вопросе. С узко эгоистической, точки зрения для Лондона наиболее предпочтительным было бы заключение в первую очередь именно воздушного соглашения с участием Германии, чего Д.Саймон и не думал скрывать (46). Однако в официальных документах

– 133 –

правительства к Форин Офис вплоть до июня 1935 г. пакт о ненападении с воздуха и помощи в противодействии такой агрессии характеризовался как мыслимый лишь в "рамках" общего урегулирования" /11, 12–236-237, 402/. Отсутствие точной формулы усиливало заложенное в самом выдвижении воздушного пакта соперничество приоритетов обеспечения безопасности Запада и Востока (47).

С формальной стороны англо-французская декларация производила – и производит – впечатление фундаментальной попытки перестройки европейской системы на началах равенства и ненасилия, коллективной ответственности за судьбы мира. "Концепция коллективной безопасности нашла блестящее признание и подтверждение в англо-французском соглашении от 3 февраля, выдвинувшем схему не только региональных пактов, но и их неразрывность и взаимозависимость, – говорил, выступая перед делегатами Ассамблеи Лиги нации полгода спустя М.М.Литвинов. – С этой схемой солидаризировалось огромное большинство европейских стран, в том числе и Советский Союз, и она немало содействовала поднятию в Европе чувства безопасности" /5,18–511/.

Казалось, Великобритания не только сохранила продемонстрированную в июле 1934 г. приверженность политике коллективной безопасности, но и сделала шаг к прямому участию в укрепляющих ее пактах. Будь программа, аналогичная: лондонской, принята двумя годами ранее этот вывод был бы справедлив. Однако к началу 1935 г, состояние межгосударственных отношений качественно изменилось, грандиозность февральского плана определяла его заведомый провал. Ремилитаризация Германии становилась свершившимся пактом со всеми вытекающими из этого для ее внешней политики последствиями. К осени 1934 г, рейх превратился в политический монолит под руководством той фракции национал-социализма, которая соединяла курс

– 134 –

на внутреннюю стабилизацию со стремлением к предельной дестабилизации вовне. Возможность изменения внешнеполитического курса Германии без принятия беспощадных по отношению к ней решений другими участниками европейской системы свелась практически к нулю. Понятие коллективной безопасности в этих условиях окончательно наполнилось новым смыслом: безопасности от Германии, но не обязательно для нее. Утверждение коллективной безопасности могло быть достигнуто лишь вопреки германскому руководству. Летом 1934 г. правильность этих утверждений еще могла вызвать оправданные сомнения, к зиме 1934/35 г. они отпали. Соответственно, на этом этапе политика баланса интересов изжила себя, ибо выражавшие от имени Германии ее интересы деятели понимали их как нарушение

интересов других стран Европы. Ориентация на учет подлинных национальных интересов Германии требовала поэтому антигерманской по форме политики.

Происшедшие вследствие кристаллизации политики рейха объективные и революционные по своей сути перемены в европейской ситуации не остались незамеченными правящими кругами Великобритании. "Что-либо являющееся по сути франко-русским союзом было бы, конечно, совершенно противоречащим коллективной системе, утверждения которой в той или иной форме желали бы как Франция, так и Великобритания, – свидетельствовала "Тайме" незадолго до лондонских переговоров. – Но пока Германия остается вне ее, никакая коллективная система не может быть завершенной, и что бы ее не заменяло обязательно будет иметь видимость направленности против нее (Германии. – О.К.)" /91–21.01.1935–15/. Преодолеть это противоречие английские руководители сами не смогли, а в ходе переговоров с французскими партнерами и не пытались **(48)**, предпочтя взамен соединить несоединимое. Под коллективной безопасностью они по существу

– 135 –

продолжали понимать "законный" переговорный процесс¹⁴, основывающийся на простом, по-разному дозируемом сочетании принципов баланса интересов и баланса сил. Компромисс европейских держав с Германией и сдерживание ее политическими и военными средствами оставались двумя ипостасями британской политики. Если летом 1934 г. английские руководители признали, что коллективное сдерживание потенциального агрессора должно пользоваться приоритетом над согласованием интересов (пока Берлин не откажется от обеспечения своих интересов за счет жизненных интересов других), а поиск компромиссов должен иметь лишь тактическое значение, то в последующие полгода – именно тогда, когда развитие обстановки потребовало придать этому признанию долговременный и принципиальный характер – Лондон усомнился в нем и сделал по существу шаг назад. В приближении к политике коллективной безопасности Англии последовала за Францией, отступая от этого принципа – опережала ее.

Конкуренция двух традиционных приоритетов британской политики определяла значимость совместного коммюнике.

Предлагая немцам равноправное обсуждение и свободное заключение соглашений без каких-либо предварительных условий /11,12–485–486/, англо-французский план требовал принятия ведущих к фактическому окружению рейха пактов безопасности.

Обещание в случае создания режима безопасности устранить часть у Версальского договора соседствовало с умолчанием о другом его рудименте – Рейнской демилитаризованной зоне, открывавшей путь к промышленному сердцу Германии **(49)**, причем коммюнике не подтверждало и необходимости ее сохранения (как то фактически было сделано английскими руководителями в июле 1934 г.).

– 136 –

Решительно предостерегая Германию против одностороннего вооружения, коммюнике предлагало пакт, имеющий смысл лишь при наличии у немцев военной авиации **(50)**.

Великобритания обязывалась воздержаться от сепаратных действий – двустороннего согласования с Германией взаимных интересов, но декларация не содержала никаких указаний на меры, к которым могут прибегнуть Лондон и Париж для обеспечения безопасности в случае провала их миротворческого плана **(51)**.

Англо-французская программа ставила Берлин в такое положение, при котором отказ от серьезного ее обсуждения вел к сохранению международной полуизоляции Германии и утрате доверия общественности западных стран к ее аргументам¹⁵. Но трудность, реализации пакета предложений, предусматривавших деятельное участие чуть ли не всей Европы, закономерно стимулировало попытки всех без исключения заинтересованных сторон разорвать

¹⁴ См. речь А.Идена в Эдинбурге 8 января 1930 г. /170–61/.

¹⁵ См.: /5,18–122,132/.

этот пакет и растащить его содержимое, и, следовательно, позволяла немцам надеяться на высвобождение из лондонского капкана.

Таким образом, попытка британского руководства создать нечто целостное, смешивая традиционные подходы с принципами коллективной безопасности, в новых условиях привела в начале 1935 г. к тому, что первые начали поглощать, ассимилировать элементы второй. Последствия такой реформы внешнеполитического курса были закономерны. Если рассматривать итоговый документ лондонских переговоров как начало дипломатического наступления Англии и Франции (что подразумевалось смыслом коммюнике), приходится признать его беспомощным как с точки зрения стратегии, так и тактически¹⁶. Это, вероятно, неплохо понимали в Форин Офис (52).

– 137 –

Вместе с тем, англо-французские, переговоры не знаменовали, разрыва с "июльским направлением" внешней политики Великобритании. В усложнившейся обстановке произошло не распадение сил, заинтересованных в статус-кво для сдерживания агрессивности новой Германии, а их перегруппировка и даже сближение¹⁷. Лондонское коммюнике никоим образом не препятствовало заключению пакта, способному заменить для Франции, СССР и Чехословакии Восточный, если отношение к нему немцев и поляков не изменится. Вероятно, именно эти обстоятельства позволяют объяснить позицию НКВД СССР относительно лондонского плана (53).

20 февраля 1935 г. от имени советского правительства в Париж и Лондон было направлено Заявление, в котором оно недвусмысленно солидаризировалось со всеми англо-французскими предложениями по организации мира в Европе и признавало их увязку (54). Значение "Заявления Советского правительства" выходило за рамки удачного дипломатического маневра, повышавшего международный авторитет СССР. С одной стороны, Советский Союз признавал "наиболее уязвимыми местами европейской безопасности не только восточные границы рейха, но и линию Дуная, Рейна, Канала, выражал поддержку планам воздушного и Центральноевропейского пакта, которые по существу весьма беспокоили Москву. С другой, советское обращение ужесточало увязку упомянутых в коммюнике 3 февраля соглашений (включая воздушный пакт) в рамках единой схемы, предостерегало против "пренебрежения к тому или другому" из них. Таким образом, главное опасение Литвинова (и, надо думать, высшего

– 138 –

руководства СССР) относилось не к содержанию лондонской декларации, а напротив – к недостаточной приверженности Великобритании провозглашенным ею же принципам. Советский Союз совершенно, не устраивала активность Лондона – его готовность к переговорам с немцами и намерение держать под контролем развитие франко-советских отношений.

Стремясь полностью использовать позитивное содержание декларации 3 февраля, удержать Лондон на ее оборонительных по своему объективному смыслу позициях, сорвать неизбежно сопровождаемое расчленение достигнутых увязок продвижение английского правительства к соглашению с немцами, советская дипломатия присоединилась к активизировавшейся борьбе главных европейских сил за овладение политической инициативой. От ее исхода зависело, какой реальный смысл получит наполненная противоречиями англо-французская платформа упрочения мира, какое воздействие окажут на международную политику изменения в британской позиции, происшедшие в конце 1934 – начале 1935 гг.

¹⁶ Среди британских историков такого мнения придерживался Р. Янг /381–86-87/.

¹⁷ Н. Росту считает это главным результатом англо-французских переговоров /350–118/. Ср.: /245–234/.